

Протерев линзы, пожилой библиотекарь водрузил на нос очки для чтения, покосился на У Вань и неторопливо достал сушёную рыбешку — угостить кота.

Растянувшийся на столе толстый котяра почуял лакомство, тут же вскинул голову и облизнулся розовеньким языком.

В тишине библиотеки У Вань листал старую, потрепанную книжицу — тонкую, едва ли в палец толщиной. Времени на неё много не ушло. Сведений о таинственном цветке там действительно оказалось с гулькин нос: всё уместилось буквально на одной странице.

Лаконичный вэньянь живо воссоздавал странные то ли видения, то ли слухи, которыми когда-то делились хозяин придорожной гостиницы и его постояльцы.

Поговаривали, что лепестки у того цветка были налитыми и невероятно яркими, а золотая сердцевина сияла ярче червонного золота. Кто-то уверял, будто этот чудо-цвет способен возвращать к жизни мёртвых и исцелять самые безнадежные раны, буквально возвращая плоть на истлевших костях. Ценностью же своей он превосходил легендарный эликсир бессмертия.

Другие шептались, будто его тычинки и впрямь золотые — сорвёшь такой цветок, обретёшь несметное богатство и мигом взлетишь на самую вершину. Из подобных небылиц, одна другой чуднее, и соткалось лоскутное одеяло легенд.

Самое глупое, что находились безумцы, верившие каждому слову. Собирались в оравы и уходили в глубь пустыни на поиски диковинной добычи. Один за другим отряды искателей наживы бесследно растворялись в бескрайних песках — ни один человек так и не вернулся назад.

В назидательном финале приводилась известная мудрость: «Нет большей беды, чем незнание сытости».

Книга хоть и числилась хронологией края, больше походила на сборник преданий или притч с двойным дном, призванный уберечь неразумных от роковых ошибок. Всего пара скупых фраз — а перед глазами вставали таинственные картины вековой давности. Неудивительно, что легенда не дожидаясь наших дней в качестве исторического факта: слишком уж она отдавала вымыслом, густо замешанным на мрачной иронии.

У Вань скользнул взглядом по обложке. Ну конечно. На ней значилось вовсе не скучное краеведческое описание, а изящно выведенное: «Записи о местных диковинках и чудесах».

—...

Он криво усмехнулся и уже собирался закрыть книгу, когда его взгляд зацепился за мелкую сноску на самом краю пожелтевшего листа. Там говорилось, что некогда в пустыне встретили

странное существо. Нечеловечески прекрасный, облачённый в алые одежды, он сидел на иссохшем стволе посреди бескрайнего океана песка. Длинные волосы, золотой отблеск в глазах и цветок, прорастающий прямо из шеи... Очевидец уверял, что незнакомец походил на древнего духа, способного одним взглядом похитить душу.

Запись ютилась в самом низу страницы неприметной сиротливой строчкой. Автор книги предсказуемо счёл встречу обыкновенным миражом, а заодно ядовито высмеял незадачливого путешественника, который даже перед лицом неминуемой гибели в песках ухитрился разглядеть красивое личико.

У Ваньи долго сидел неподвижно, всматриваясь в блеклые чернила. Лицо его оставалось непроницаемым.

Наконец с непонятным, глухим чувством он захлопнул фолиант и поднялся, негромко поблагодарив библиотекаря. Искать другие источники не имело смысла. Но стоило У Ваньи сделать шаг к выходу, как старик, не поднимая головы, сухо обронил:

— Кое-что забыл.

У Ваньи обернулся. Старик кивнул на опустевшую столешницу. Проследив за его взглядом, юноша замер: на старом дереве, ярко пламенея под косым солнечным лучом, лежала пустынная роза.

Выдержав паузу, У Ваньи вернулся, осторожно взял стебель и, едва заметно кивнув, тихо произнёс:

— Спасибо.

Он шагнул за порог старой скрипучей двери прямо навстречу теплому ветру. Сухой степной сквозняк коснулся его плеч, мимолетно, точно легкая поэтическая строчка. У Ваньи замер посреди залитого солнцем двора, вдыхая густые ароматы: пахло прогретой землей, молодой зеленью и начинающим наливаться на лозах виноградом.

Миг обманчивого умиротворения растаял без следа. Словно сухой лист упал в глубокий колодец: пошла легкая рябь, но черная, холодная бездна на самом дне осталась прежней.

Он снова побрёл вперёд. Цветок выбрасывать не стал — аккуратно опустил его в нагрудный карман рубашки. И этот алый бутон остался единственным ярким пятном на его блеклом силуэте, медленно уходящем в сторону пылающего заката, туда, где волнами вздымались бескрайние барханы.

Времени он не замечал. Сначала шёл ровно, уверенно, но вскоре начал спотыкаться и задыхаться, останавливаясь через каждые десять шагов. На впалых щеках выступил лихорадочный, неестественно яркий румянец.

Тяжёлые капли пота скатывались по подбородку. В ушах протяжно, невыносимо звенело, перед глазами всё плыло. Едва удерживая равновесие, он замер на вершине очередного холма и поднял голову к догорающему небу.

Багровые облака раскинулись над головой, точно разлитое по холсту масло. В зыбких сумерках песчаные волны казались застывшим океаном, посреди которого медленно тонуло расплавленное золото солнца. У Ваньи неподвижно стоял на гребне, и в его расширенных зрачках отражалось это величественное, пугающее пламя.

Силы иссякли внезапно — колени подогнулись, и он рухнул на песок. Влажные от пота тёмные пряди облепили лоб; лихорадка не отступала, и каждый выдох обжигал сухие, потрескавшиеся губы.

Промокшая тонкая рубашка липла к спине, очерчивая угловатые лопатки и худую, сужающуюся к поясу фигуру. Юноша низко опустил голову, пытаясь отдышаться, а затем дрожащими руками вытащил из рюкзака бутылку воды.

После перенесённой болезни его длинные пальцы исхудали ещё сильнее. Кожа приобрела болезненный, почти прозрачный оттенок; сквозь покрытый испариной эпидермис отчётливо проступала синева натянутых вен.

Измученный, он долго возился с пластиковой крышкой, до красноты натерев пальцы, прежде чем та наконец поддалась. Это нехитрое действие забрало последние крохи сил.

Слабыми пальцами он извлёк из кармана пустынную розу и бережно плеснул несколько капель на увядающий бутон. Под сверкающей влагой лепестки будто слегка расправились. У Ваньи приподнял цветок, разглядывая его на просвет сквозь багровые лучи заката. В его тёмных глазах сквозило странное, нечитаемое выражение.

[У вас лихорадка.]

[Необходимо немедленно восстановить водный баланс.]

У Ваньи хотел было проигнорировать предупреждение, но, словно вспомнив о чём-то, опустил веки. Он спрятал розу обратно в карман и тихо, хрипло проговорил:

— Не такой уж я дурак.

Каждая твоя выходка — форменное самоубийство, и он ещё спорит!

Система 7008 сердито уставилась на своего подопечного. Только когда У Ваньи послушно сделал несколько глотков, её виртуальная мина немного разгладилась.

[Через час я повторю напоминание.]

У Ваньи промолчал, хотя на языке вертелось резкое «не надо». Он опустил взгляд на собственную длинную тень, распластавшуюся по песку.

Да и какая разница.

Пусть будет так.

С наступлением темноты пустыня стремительно остывала. Когда У Ваньи очнулся от забытья, вокруг уже сгустились сумерки. Оказалось, он просидел на песке больше двух часов. Удивительно, но за это время к нему не приблизилась ни одна ядовитая гадина или ящерица.

Если бы не пронизывающий до костей холод, он бы совсем забыл, что находится в одном из самых опасных мест на земле. Юноша шевельнулся и, преодолевая слабость, медленно поднялся на ноги.

[Вы никак не реагировали на сигналы. Я уже подумала, что...]

Система осеклась и облегчённо вздохнула. Но уже через секунду её тон вновь стал предельно серьёзным:

[Вам нужно уходить. Немедленно!]

Впрочем, У Ваньи и сам всё понял. До ушей донёсся нарастающий гул, а воздух заполнился едкой пылью.

Надвигалась песчаная буря.

У Ваньи вгляделся в бушующую стену пыли, пожирающую горизонт. В его глазах вспыхнул безумный огонёк. Проигнорировав вопли системы, он сделал шаг вперёд. Прямо навстречу урагану.

Виртуальный помощник испуганно замер.

[Что вы творите?!]

Но У Ваньи словно оглох. Шаг перешёл в бег, быстрее, ещё быстрее — точно безумный мотылёк, летящий на смертоносный огонь.

Яростный вихрь трепал волосы, рвал полы белой рубашки. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее, готовое вот-вот пробить рёбра. Лёгкие горели от нехватки кислорода, но он продолжал бежать, прорываясь сквозь стену ветра.

Он отдавал себе отчёт в происходящем. Понимал, насколько это безумно. Но ему было плевать. Он точно знал: там, в самом сердце бури, ждёт его истинная цель.

Хрупкий силуэт юноши казался жалкой щепкой перед лицом разбушевавшейся стихии. Мгновение — и ураган оторвал его от земли. Мир завертелся в безумном хороводе. Острые, как бритвы, песчинки полосовали кожу, но он упорно не закрывал глаз, позволяя пыли резать и застилать слезами воспалённый взгляд.

И вдруг сквозь хаос пробилась бледная, изящная рука и мёртвой хваткой вцепилась в его предплечье.

В то же мгновение У Ваньи, зависший в ураганном потоке, из последних сил перехватил чужое запястье.

— Попался... — хрипло выдохнул он.

За их спинами бесновался песчаный ад, сотрясая саму землю. Но У Ваньи, преодолевая резь в глазах, заворожённо смотрел на того, кто держал его.

Ослепительно белая кожа, тонкие черты лица, чувственные алые губы... А на изящной, лебединой шее распускался фантастический, сочащийся первозданной свежестью цветок.

В золотом взгляде незнакомца не было потусторонней стужи — лишь безмолвная, вековая глубина. Эту нереальную, неземную красоту невозможно было облечь в слова. Казалось, перед ним явился самый прекрасный и невозможный мираж.

Потоки воздуха трепали его длинные волосы, алые шелка развевались на ветру. Посреди бушующего апокалипсиса это существо выглядело величественным божеством.

— Кто ты... — прошептал У Ваньи.

Но договорить не успел. Сознание померкло, голова бессильно откинулась назад, и он начал падать.

Незнакомец легко подхватил его и прижал к себе. Измученный болезнью и перегрузками

организм У Ваньи давно исчерпал все ресурсы — то, что он продержался так долго, граничило с чудом.

Рёв отдаляющейся бури постепенно затихал вдали, уступая место звенящей тишине пустыни. Раздался тихий, почти невесомый вздох. Опустив взгляд на бледное, искажённое жаром лицо юноши, гость коснулся тонкими пальцами его нахмуренного лба, а затем ласково приоткрыл ему рот.

Алые губы приблизились к бескровным губам юноши. Шелковистые пряди длинных волос соскользнули с плеч, скрывая их лица от безучастного ночного неба.

В полузабытьи У Ваньи судорожно сглотнул живительную, сладкую влагу. Почти сразу же страдальческая гримаса исчезла с его лица, дыхание выровнялось, а губы порозовели, наливаясь жизнью.

Незнакомец посмотрел на него тёплым золотым взглядом, а затем медленно поднял глаза к бескрайней звёздной бездне.

— Господин У! Господин У, вы меня слышите? Вам плохо?

У Ваньи с трудом разомкнул веки и заслонился ладонью от бьющего в глаза утреннего солнца. Лишь спустя минуту он смог сесть, опираясь на чью-то руку.

— Как вы здесь оказались?

Он повернулся к девушке-гиду, но едва фраза сорвалась с губ, потрясённо прижал ладонь к шее.

Голос звучал чисто, без малейшей хрипоты. Более того, жар спал, а привычная изнуряющая боль в суставах бесследно исчезла. На языке остался тонкий, едва уловимый цветочный привкус.

У Ваньи с трудом подавил глупый порыв прикоснуться к собственным губам.

— Я только вышла на улицу и сразу увидела вас на дороге. Как вы себя чувствуете, господин У? Я уже связалась с администратором, сейчас придёт дежурный врач. — Девушка взволнованно всматривалась в его лицо.

Он огляделся. Знакомый фасад гостиничного комплекса высился всего в паре десятков метров.

Он вернулся.

Пальцы невольно дрогнули. Повернув голову, он обнаружил лежащую рядом пустынную розу. После яростной бури бутон слегка приуныл, но стебель и лепестки уцелели — ни один не оторвался.

У Ваньи бережно поднял цветок.

— Спасибо, — тихо прошептал он.

Гид облегчённо улыбнулась:

— Слава богу, вы в порядке.

Подоспевшие медики провели беглый осмотр. Увидев, что гость держится бодро, они заметно расслабились.

— Господин У, мы организуем транспортировку в городскую клинику.

У Ваньи вежливо, но решительно высвободил руку из хватки сопровождавших его людей.

— Не стоит, — ровно произнёс он, обращаясь к подошедшему менеджеру. — Лучше подготовьте для меня свободный люкс.

Апартаменты класса люкс стоили баснословных денег, и даже в пик сезона они пустовали. Администратор на миг замешкался — разве в его состоянии не следовало первым делом показаться специалистам? Однако холодная уверенность в глазах клиента заставила его проглотить лишние вопросы.

— Разумеется, господин У. Прошу вас, присаживайтесь в машину.

В номере врач всё же настоял на экспресс-диагностике.

— Небольшое истощение и явное переутомление. Вам предписан строгий постельный режим.

Терапевт хмурился, не сводя с пациента озадаченного взгляда. Либо его приборы барахлили, либо...

У Ваньи медленно поднял голову. Под этим ледяным, пронизывающим взором врач осёкся, и готовые сорваться с языка расспросы застряли в горле.

Этот человек казался пугающе равнодушным к собственной судьбе. В конце концов, дело дежурного доктора — оказать первую помощь, а не лезть в чужие тайны. Даже если результаты анализов выглядели аномально, навязывать обследование он не имел права.

Врач мысленно вздохнул и молча закрыл чемоданчик.

Оставшись один в просторной гостиной, У Ваньи подошёл к панорамному окну. Он прикоснулся подушечками пальцев к губам — вчерашние трещины и запёкшаяся кровь исчезли без следа. Но больше всего его тревожила тонкая сладость, скользившая по нёбу при каждом вдохе.

Он прикрыл глаза и медленно провёл кончиком языка по уголку рта. Влажное, нежное прикосновение отозвалось в сознании призрачным воспоминанием о чужом поцелуе — глубоком, пьянящем, напоённом нектаром диковинных цветов.

Прохладный утренний ветерок шевелил его чёлку. Высокий, подтянутый, он неподвижно ловил лицом эти робкие порывы.

Сегодня воздух дышал покоем и свежестью. Вчерашний же кошмар был яростным, беспощадным безумием.

Тогда, в ледяной круговерти, когда его невесомое тело швыряло над бездной, чьи-то сильные пальцы удержали его у самого края. И в тот же миг ощущение одиночества и хрупкости испарилось — он обрёл надёжную, несокрушимую опору.

Юноша медленно вытянул руку, словно пытаясь наощупь вернуть то мгновение, и его бледные пальцы коснулись пустоты за стеклом.

Вдруг на ладонь упала прохладная капля. Он вздрогнул и распахнул глаза. Пошёл дождь. Небо оставалось чистым, слепящее солнце продолжало гореть над пустыней, но сквозь его золотые лучи сеялась хрустальная водяная изморось.

Спустя минуту грибной дождь превратился в настоящий ливень, с шумом обрушившийся на иссушённую землю. Вглядываясь в плотную серую завесу, У Ваньи внезапно замер: ему показалось, что сквозь пелену промелькнул алый силуэт.

Он рванулся вперёд, но лишь больно ударился о подоконник. Стоило на секунду отвлечься — и видение растаяло, а ливень прекратился так же внезапно, как и начался, оставив после себя лишь влажный блеск на камнях.

В груди поселилась щемящая пустота. Он прижал ладонь к холодному стеклу, медленно

сжимая пальцы в кулак.

Редкое для здешних мест ненастье всколыхнуло сонный отель. Постояльцы бурно обсуждали ночную бурю, бушевавшую в самом сердце дюн. Версии выдвигались самые невероятные — от глобального потепления до мистических знамений. Местные сплетники увлечённо сочиняли легенды, а романтически настроенные туристы гадали, не преподнесёт ли природа новый сюрприз завтра.

У Ваньи оставался глух к чужому оживлению. Он сидел в углу полупустого обеденного зала, безучастно ковыряясь в тарелке. Каждый кусок давался с трудом, приходилось долго жевать, преодолевая тошноту.

Он ел ничтожно мало, хотя истощённый организм отчаянно требовал калорий. Несмотря на внутреннее отвращение к пище, юноша держался безупречно — в его плавных движениях сквозило врождённое благородство. И всё же от его одинокой фигуры у окна веяло такой беспросветной тоской, что случайные прохожие невольно замедляли шаг.

Девушка-гид, обедавшая за длинным столом со своей группой, сочувственно посмотрела на него и поднялась со своего места.

Она видела его уже не раз, и всякий раз он казался затворником. Где бы У Ваньи ни находился — в бурлящем холле или шумной столовой, — вокруг него словно смыкался невидимый купол отчуждения.

Заметив тень, упавшую на стол, юноша оторвался от созерцания тарелки и поднял глаза. Перед ним стояла вчерашняя спасительница с пиалой спелой черешни.

— Они очень сочные, с кислинкой. Попробуйте, — тепло улыбнулась она, оставила ягоды на краю стола и деликатно удалилась, не навязывая своё общество.

У Ваньи проводил её взглядом. Две задорные чёрные косы ритмично покачивались в такт шагам, на бедре болтался тяжёлый рупор гида, а спина дешёвой футболки потемнела от пота.

В её группе были в основном пожилые люди, капризные и быстро устающие от жары, но девушка ни разу не выказала раздражения. С её лица не сходила искренняя, солнечная улыбка. Казалось, для неё мир раскрашен исключительно в яркие тона, где небо всегда безоблачно, а жизнь полна чудес.

Ему невольно вспомнилась старая библиотека, утопающая в зелени оранжереи, буйство цветущих бутонов, тенистый навес дикого винограда, дремлющий на веранде разнежившийся кот и старик, склонившийся над пожелтевшими страницами.

Он взял одну ягоду и неторопливо раздавил её зубами. Тёмный сок брызнул на губы, наполнив рот резкой, терпкой сладостью.

И всё же он искренне не понимал: как можно существовать так легко и беззаботно?

Опустив веки, У Ваньи бесшумно поднялся и покинул зал. Оставшиеся ягоды посыпались из пиалы на пол, раскатившись по паркету багровыми каплями.

Глубокой ночью пустыню вновь настиг дождь. Не такой неистовый, как давеча, но настойчивый — капли шумно барабанили по стеклу. Эта погодная аномалия походила на чей-то безмолвный призыв.

У Ваньи стоял посреди тёмной комнаты. Стоило первым струям ударить в окно, как он распахнул глаза.

Он рванул створку на себя. Поток ледяного воздуха плеснул в лицо косыми брызгами. Не обращая внимания на сырость, юноша распахнул окно настежь и перекинул ногу через подоконник.

В недрах его сознания испуганно пискнула система, но тут же осеклась, затаив дыхание.

Мелкая изморось в мгновение ока пропитала тонкую ткань одежды, заставив её прилипнуть к костлявым плечам. Вглядываясь в непроглядный мрак, У Ваньи без малейшего колебания шагнул в пустоту.

Двенадцатый этаж. Высота, сулившая верную смерть.

У системы перехватило виртуальное дыхание. Но падения не случилось.

— Ну и зачем ломать эту комедию? — раздался над ухом тихий, прохладный голос.

У Ваньи резко выкинул руку и намертво сжал тонкое запястье своего спасителя.

— Хотел увидеть тебя, — выдохнул он, впиваясь взглядом в полумрак.

Оказавшись на холодном полу балкона, У Ваньи запоздало вздрогнул от озноба. Но на его губах заиграла торжествующая, сумасшедшая улыбка.

Он снизу вверх посмотрел на изящную фигуру, соткавшуюся из ночного тумана.

— Привет. Меня зовут У Ваньи.

Незнакомец неторопливо отвёл взгляд от бушующей ночи и посмотрел на распластавшегося у его ног парня. Его алые губы дрогнули:

— Ми Юньцзинь.

У Ваньи привалился спиной к стене, лениво вытянув длинные ноги.

— Твоё личное имя? Или название вида?

— Имя, — негромко отозвался тот.

В мире не могло существовать двух таких цветов одновременно. Стоило пустить корни новому ростку Ми Юньцзинь, как прежнее воплощение увядало. А значит, это слово принадлежало ему одному. Навечно.

У Ваньи заворожённо всматривался в его золотые зрачки, словно пытаясь наглядеться на чудесный сон.

— Зачем ты спас меня? — внезапно спросил он, и голос его ожесточился. — Зачем удержал? Зачем раз за разом вытаскиваешь меня с того света?

Вопросы сыпались один за другим, а взгляд юноши, обычно тусклый и безжизненный, теперь горел лихорадочным пламенем.

Дарить надежду тому, кто давно отчаялся — самое изощрённое милосердие, которое страшнее любой казни. С той самой первой их встречи в песчаном аду У Ваньи не знал покоя.

Каждое мгновение возвращённой жизни оборачивалось невыносимой, удушающей мукой. Словно тончайшая леска стягивала тело, глубоко врезаясь в живую плоть. Эта бесконечная пытка лишала рассудка. Жить он не мог, а умереть ему не позволяли.

Ми Юньцзинь спокойно выдержал этот безумный, исполненный боли взор и сделал шаг навстречу.

— Неужели тебе так ненавистна сама мысль о жизни?

Этот тихий, вкрадчивый вопрос в одно мгновение сорвал с У Ваньи маску напускного равнодушия.

Он резко подался вперёд, впиваясь ногтями в ладони. Лицо исказила злая, ядовитая гримаса.

— Ты меня спрашиваешь?! — сорвался он на крик. — Думаешь, это я не хочу жить?! Да неужели я сам выбрал это дерьмо?! За какие грехи мне раз за разом терпеть эту сучью муку? Ни сдохнуть по-человечески, ни жить нормально! Обязательно нужно раздавить меня, стереть в порошок?! Почему всякий сброд, ублюдки и ничтожества прекрасно топчут эту землю, а я даже не могу распорядиться собственной шкурой?! За что мне всё это, за какие такие заслуги?!

Голос сорвался на хрип. Юноша тяжело, прерывисто дышал, его губы побелели. От безумного прилива ярости пальцы онемели, а плечи мелко затряслись в конвульсиях.

Наверное, сейчас следовало разрыдаться. Или разгромить комнату, выплёскивая годами копившийся яд. Но вместо этого он лишь бессильно прикрыл глаза и откинулся назад. Одна рука судорожно сжала мокрую ткань на груди, вторая прижалась к ноющему боку. Словно подстреленный зверь, он затих после короткой вспышки борьбы, растеряв последние крохи жизненных сил.

Озноб сотрясал его худое тело. В наступившей тишине У Ваньи разомкнул воспалённые, влажные веки.

Господи, как же сильно он ненавидел этот мир.

<http://bllate.org/book/20309/2177953>